

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGY

Научная статья

УДК 321.02

DOI 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53

**Инклюзивность возраста: институциональные основы
возраст-ориентированной государственной политики****Полина Игоревна Ананченкова**

*Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова
Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан
ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>*

Статья посвящена анализу институциональных основ возраст-ориентированной государственной политики в условиях глобального демографического старения. Несмотря на растущее признание возраста как политически значимой категории, во многих странах сохраняются фрагментарность возрастной повестки, доминирование патерналистских практик и слабая институциональная чувствительность к проблемам эйджизма и возрастной сегрегации. Объект исследования – возрастная политика государств, предмет – институциональные формы и механизмы реализации политики возрастной инклюзивности. Цель исследования – проанализировать концептуальные и институциональные основания age mainstreaming как стратегии включения возрастного измерения в процессы государственного управления. В рамках исследования решаются следующие задачи: обоснование теоретико-методологических оснований возрастной инклюзии; анализ международных и национальных стратегий age mainstreaming; выявление институциональных практик, обеспечивающих вовлечение пожилых граждан в общественно-политическую жизнь; обозначение вызовов реализации возраст-чувствительной политики на уровне государства. Методология исследования основана на институциональном анализе, нормативной политологии и сравнительном подходе к политическим практикам демографической адаптации. В результате показано, что возрастная инклюзивность требует переосмысления старости как активного этапа жизни и трансформации архитектуры государственного управления. Раскрываются барьеры к институционализации age mainstreaming, включая слабую межведомственную координацию, недостаточную представленность пожилых в органах власти, ограниченное нормативное признание возраста как фактора неравенства. Отмечается значимость международного опыта (Организации Объединённых Наций, Всемирной организации здравоохранения, Европейского союза), а также анализируются российские инициативы в рамках национального проекта «Демография». В целом, государственная политика по отношению к пожилому населению находится на этапе становления, и, несмотря на определённые подвижки, отсутствует системное внедрение принципов age mainstreaming, как и межведомственная согласованность действий. Это создаёт риски для устойчивого развития и усиливает возрастные неравенства. Сделан вывод о том, что возрастная инклюзия – это не только социальная необходимость, но и политический вызов, требующий системной интеграции возрастного измерения в политику устойчивого развития, равенства и демократии.

Ключевые слова: возрастная инклюзия, политика активного долголетия, демографическое старение, институционализм, участие пожилых, серебряная экономика, эйджизм, устойчивое развитие, политика равенства, социальная справедливость

Для цитирования

Ананченкова П. И. Инклюзивность возраста: институциональные основы возраст-ориентированной государственной политики. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 44–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53



Original article

Age Inclusivity: Institutional Foundations of the Age-Oriented Public Policy

Polina I. Ananchenkova

A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
 ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>

The article is devoted to the analysis of the institutional foundations of age-oriented public policy in the context of global demographic aging. Despite the growing recognition of age as a politically significant category, in many countries the fragmented age agenda remains the dominance of paternalistic practices and weak institutional sensitivity to the problems of ageism and age segregation. The object of the research is the age policy of states; the subject is the institutional forms and mechanisms for implementing the policy of age inclusivity. The purpose of the work is to analyze the conceptual and institutional foundations of age mainstreaming as a strategy for integrating the age dimension into public administration processes. The research solves the following tasks: substantiation of the theoretical and methodological foundations of age inclusion; analysis of international and national strategies of age mainstreaming; identification of institutional practices that ensure the involvement of older citizens in public and political life; identification of challenges to the implementation of age-sensitive policies at the state level. The research methodology is based on institutional analysis, normative political science and a comparative approach to the political practices of demographic adaptation. As a result, it is shown that age inclusivity requires rethinking old age as an active stage of life and transforming the architecture of public administration. The barriers to the institutionalization of age mainstreaming are revealed, including weak interagency coordination, insufficient representation of the elderly in government, and limited normative recognition of age as a factor of inequality. The importance of international experience (UN, WHO, EU) is noted, as well as Russian initiatives within the framework of the national Demography project are analyzed. In general, the state policy towards the elderly population is at the stage of formation, and despite some progress, there is no systematic implementation of the principles of age mainstreaming, as well as interdepartmental coordination of actions. This poses risks to sustainable development and increases age inequalities. It is concluded that age inclusion is not only a social necessity, but also a political challenge that requires the systematic integration of the age dimension into the policy of sustainable development, equality and democracy.

Keywords: age inclusion, active longevity policy, demographic aging, institutionalism, participation of the elderly, silver economy, ageism, sustainable development, equality policy, social justice

For citation

Ananchenkova P. I. Age Inclusivity: Institutional Foundations of the Age-Oriented Public Policy // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 44–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53

Введение. Актуальность темы исследования. Демографическое старение, охватывающее подавляющее большинство стран мира, привело к формированию новой парадигмы в сфере государственной политики, требующей признания возраста как ключевой категории социального и политического анализа. Согласно прогнозам Организации Объединённых Наций (далее – ООН) к середине XXI в. доля людей старше 65 лет превысит 16 % общего населения планеты, а в некоторых развитых странах – и 25 % [1]. Данные трансформации делают необходимым институциональный переход от традиционной патерналистской модели обращения с пожилыми к модели, основанной на принципах инклюзивности, прав человека и равенства возможностей.

Категория инклюзивности возраста обозначает подход, при котором все возрастные группы признаются равноправными субъектами общественной и политической жизни, а

сама возрастная разность становится основой для конструктивной институциональной адаптации. В рамках такого подхода возраст рассматривается не как источник ограничений, а как социальный и политический ресурс, требующий системной поддержки через управление, участие, нормативное регулирование и инфраструктурную модернизацию.

Концепт age mainstreaming, зафиксированный в ряде международных документов (включая Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г.), выступает ключевым методологическим и управленческим ориентиром. Он предполагает включение возрастного измерения на всех уровнях принятия решений, в том числе при разработке законов, программ, бюджетов и мониторинговых систем. Институциональное оформление возрастно-чувствительной политики становится неотъемлемым элементом стратегии устойчивого развития, справедливости и социальной сплочённости.

Несмотря на растущее признание возраста как политически значимой категории, во многих странах сохраняются фрагментарность возрастной повестки, доминирование патерналистских практик и слабая институциональная чувствительность к проблемам эйджизма и возрастной сегрегации, что обуславливает актуальность анализа именно институциональных основ возраст-ориентированной государственной политики, включающих правовые нормы, управленческие практики, межведомственные механизмы и инструменты политического участия пожилых граждан.

Объект исследования – возрастная политика государств.

Предмет исследования – институциональные формы и механизмы реализации политики инклюзивности возраста.

Цель исследования – проанализировать концептуальные и институциональные основания age mainstreaming как стратегии включения возрастного измерения в процессы государственного управления.

Для достижения цели в статье решаются следующие **задачи**:

- обосновать теоретические и методологические основания возрастной инклюзивности;
- проанализировать международные и национальные стратегии, закрепляющие age mainstreaming;
- выявить институциональные практики, обеспечивающие вовлечение пожилых в общественно-политическую жизнь;
- обозначить вызовы реализации возраст-инклюзивной политики на уровне государства.

Методологическую основу исследования составили институциональный анализ, методы нормативной политологии, а также сравнительный подход к исследованию политических практик в области демографической адаптации в контексте возрастной инклюзии как процесса активного включения пожилых граждан в социальные, политические, экономические, культурные и иные практики.

Разработанность темы исследования. Конец XX и начало XXI в. с точки зрения социально-демографических процессов актуализировали возрастную повестку и обусловили повышенное внимание учёных – социологов, политологов, медиков – к вопросам старения. Российские учёные Н.Н. Шестакова, М.Г. Джанелидзе и М.Б. Скворцова указывают на то, что «установленной и подтверждённой общемировой демографической тенденцией явля-

ется изменение возрастной структуры населения в направлении увеличения доли старших возрастов. Этот процесс, дополненный выраженным фактором увеличения продолжительности жизни человека, носит название “демографическое старение населения”» [2, с. 59].

Известный российский социолог М.Э. Елютина отмечает: «Проблема старения в некотором смысле представляет собой совершенно новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось лишь в XX в., особенно в последние его десятилетия... Век XX характерен тем, что он сформулировал и пытается решить проблему стариков. Старость, становясь длительным и значительным этапом индивидуального развития, индикатором направлений изменения социальных процессов макроструктурного уровня, концептуализирует основы социальной политики в контексте глобальной ситуации на рубеже веков» [3, с. 9].

Институциональная теория занимает центральное место в современной политической науке, предлагая разнообразные подходы к анализу политических институтов и их влияния на поведение акторов из числа социальных групп населения, которые относятся к старшим возрастным.

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Дуглас Норт считается одним из основателей нового институционализма. Он определял институты как «человеческие изобретения, ограничивающие политическое, экономическое и социальное взаимодействие», подчёркивая их роль в снижении транзакционных издержек и формировании устойчивых экономических систем [4, с. 103]. В свою очередь Б. Гай Питерс – один из ведущих теоретиков институционализма в политической науке, который в своей книге «Institutional Theory in Political Science» выделяет восемь направлений нового институционализма и анализирует их применимость в политических исследованиях [5, с. 96].

Дж. Марч и Й. Олсен ввели в институциональный анализ концепцию «логики уместности», противопоставляя её рациональному выбору и подчёркивая роль норм, идентичностей в поведении политических акторов [6, с. 738]. Т. Мо исследует влияние политических институтов на бюрократию и образование, анализируя то, как политические интересы формируют структуру и эффективность государственных организаций [7]. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон исследуют, как полити-

ческие и экономические институты влияют на развитие стран, выделяя различие между инклюзивными и экстрактивными институтами [8, с. 24–27].

В научной среде возрастная инклюзия – включение пожилых граждан в активную социальную, экономическую и политическую жизнь – является предметом междисциплинарных исследований. Среди наиболее значимых работ можно выделить публикации А.А. Ипатовой, которая изучает барьеры и возможности социальной инклюзии пожилых людей, уделяя внимание вопросам социальной изоляции и депривации [9], И.И. Задорожной – в рамках исследования социальных практик инклюзии пожилых людей и опыта государственного управления в данной сфере [10], профессора Е.Р. Ярской-Смирновой [11], О.А. Зеликовой [12], К.А. Галкина [13], И.А. Григорьевой [14–16], А.Г. Голубева, А.В. Сидоренко [17] и др.

Результаты исследования. Понятие инклюзивности, традиционно ассоциируемое с социальной интеграцией уязвимых групп, в последние десятилетия претерпело содержательное расширение и стало использоваться в контексте возраста как одного из важнейших маркеров социального неравенства. Возрастная инклюзивность обозначает стремление к формированию такой общественной и политической среды, в которой представители всех возрастных групп, в том числе пожилые, обладают равными возможностями участия, доступа к ресурсам, услугам, принятию решений и социальной самоактуализации.

На теоретическом уровне возраст как категория анализа долгое время находился на периферии политической науки. Однако в условиях глобального демографического старения возраст становится фактором, непосредственно влияющим на структуру избирательного поведения, распределение ресурсов, формирование норм социальной справедливости и легитимацию институтов, что требует институционального признания возраста как структурирующей переменной в публичной политике.

Современная политика активного долголетия во многом основывается на признании возраста как периода новых возможностей и активной самореализации. Данная трактовка возрастной идентичности становится универсальной и распространяется независимо от уровня развития социальной политики, культурных традиций или укоренившихся представлений о старости в разных странах. При этом уходят в прошлое стереотипы, связыва-

ющие пожилой возраст исключительно с пассивностью и утратой функций. Одним из ключевых изменений в подходах к возрасту также становится отказ от навязчивой модели обязательного выхода на пенсию, восходящей к временам введения первых пенсионных систем в эпоху О. Бисмарка.

«Рубежной чертой, которая создала множество резонансных конфликтов и способствовала переосмыслению возраста пожилого человека, выступила пандемия COVID-19, которая привела к полному переосмыслению возраста в ситуации, когда пожилые люди стали заложниками своих крайне ограниченных пространств домов и квартир, не имея никакой возможности для реализации социальной жизни, практически полностью ограниченной биологическими смыслами понимания возраста – с мыслями, связанными с определением возраста как времени немощи, ограничений, увядания», – отмечает в своей работе К.А. Галкин [13, с. 45].

Современные подходы к возрастной инклюзивности базируются на нескольких методологических основаниях.

1. Права человека и концепция «достойного старения». Возрастная инклюзия тесно связана с универсальными правами человека и принципом недискриминации. Согласно положениям Всеобщей декларации прав человека¹ и Международного пакта о гражданских и политических правах² ни одна группа не может быть ограничена в правах по признаку возраста. Концепция «достойного старения» (decent ageing), закреплённая в документах Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), ООН и Европейского союза (далее – ЕС), предполагает обеспечение активного, здорового и безопасного старения с возможностью самореализации и участия на всех уровнях, что формирует основу для нормативного институционализма, ориентированного на права, равенство и участие пожилых граждан.

2. Теория age mainstreaming как принцип государственной политики. Термин age mainstreaming впервые введён в практику ЕС и закреплён в документах Совета Европы и

¹ Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=mafndn4eln661533864 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

² Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

Европейской платформы пожилых людей (AGE Platform Europe)¹. Он обозначает стратегию систематического включения возрастного измерения во все этапы разработки, реализации и оценки государственной политики, что подразумевает:

- оценку воздействия законопроектов и программ на пожилых граждан;
- разработку возрастнo-чувствительных бюджетов (age-sensitive budgeting);
- вовлечение пожилых в органы принятия решений;
- развитие инфраструктуры, доступной для всех возрастов.

Age mainstreaming рассматривается как инструмент институционального равенства, позволяющий бороться с эйджизмом, латентной дискриминацией и возрастной маргинализацией.

3. Институционализм и политика признания. С позиций институциональной теории устойчивость политических решений определяется не только нормативной базой, но и механизмами воспроизводства практик и структур. Возрастная инклюзивность требует не только юридического оформления, но и устойчивого институционального признания пожилых как значимой общественной группы, что предполагает:

- создание возрастнo-дружественных политических институтов (например, советов старшего поколения, парламентских комитетов по делам пожилых);
- развитие гражданского участия пожилых;
- поддержку форматов наставничества, межпоколенческого диалога, общественного мониторинга политики.

Соответственно, возрастная инклюзия выступает не только ценностным, но и институционально-политическим феноменом, который требует пересмотра подходов к проектированию государственной политики. В условиях демографического старения игнорирование возрастной чувствительности оборачивается политической неустойчивостью, социальной фрагментацией и подрывом доверия к государству [18]. И.А. Григорьева подчёркивает: «Сегодня демографы и даже медики много пишут о том, что старение наступает позже и нелинейно связано с возрастом. Появились поддержанные на политическом уровне концепты “активное старение”, “актив-

ное долголетие” и, в последнее время, “отсроченное старение”» [19, с. 7].

Развитие возраст-ориентированной государственной политики в XXI в. приобретает транснациональный характер. В условиях стремительного старения населения государственные и наднациональные институты всё чаще обращаются к разработке стратегий, ориентированных на инклюзивное старение. Возрастная инклюзия становится частью глобальной повестки устойчивого развития, прав человека, социальной справедливости и демократического участия.

На глобальном уровне ключевую роль в формировании норм и механизмов возрастной инклюзии играют:

– ООН и её специализированные структуры (в частности, Отдел по вопросам старения при Департаменте экономических и социальных вопросов). Так, с 1982 г. в рамках ООН проводится работа по международной стандартизации возрастной политики. Кульминацией стало принятие в 2002 г. Мадридского международного плана действий по проблемам старения, который призывает к созданию инклюзивного «общества для всех возрастов»²;

– ВОЗ, которая выдвинула концепцию healthy ageing и в 2020 г. инициировала Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.)³. Эта программа предполагает развитие age-friendly environments, борьбу с эйджизмом, внедрение интегрированных систем здравоохранения и расширение возможностей пожилых для участия в общественной жизни;

– ЕС, который разрабатывает и реализует политику age mainstreaming в рамках таких программ, как «European Pillar of Social Rights» («Европейская опора социальных прав») ⁴, AGE Platform Europe⁵, Active Ageing Index⁶. В 2012 г. проведён Год активного старения и солидарности поколений, что способ-

² MIPAA: The Madrid International Plan of Action on Ageing. – URL: <https://unece.org/population/ageing/mipaa> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

³ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.). – URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁴ European Pillar of Social Rights. – URL: <https://op.europa.eu/webpub/empl/european-pillar-of-social-rights/en> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁵ AGE Platform Europe. – URL: <https://www.ageplatform.eu> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁶ Active Ageing Index. – URL: <https://unece.org/population/active-ageing-index> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

¹ Мейнстриминг старения – новый взгляд. Программная справка ЕЭК ООН по вопросам старения № 27. Февраль 2022 г. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-07/PB27_RU.pdf (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

ствовало активизации дискурса о правах пожилых граждан в странах-членах ЕС.

Все приведённые документы и инициативы указывают на закрепление возраста как правовой и политической категории, требующей межсекторального институционального отклика.

На уровне национальных государств инклюзивность возраста институционализируется в форме:

- стратегий и программ активного долголетия (например, система комплексного медицинского обслуживания на уровне общин (Japan's Community-based Integrated Care System) в Японии, Стратегия развития «серебряной» экономики (Silver Economy Strategy) во Франции, федеральный проект «Старшее поколение» в России);

- законодательных инициатив по борьбе с возрастной дискриминацией (например, Закон о дискриминации по возрасту при приёме на работу (Age Discrimination in Employment Act) в США, возрастные квоты в некоторых органах местного самоуправления);

- создания специализированных агентств и комитетов (например, Office for Seniors в Канаде, Kompetenzzentrum für den demografischen Wandel в Германии);

- поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив в области наставничества, межпоколенческого диалога, цифровой инклюзии пожилых.

Особого внимания заслуживает опыт Японии – одной из стран с самым старым населением в мире. Здесь с конца 90-х гг. XX в. действует система так называемых «Серебряных центров управления персоналом» (Silver Human Resource Centers), включающая пожилых в рынок труда, а также одновременно функционирует комплексная сеть услуг по принципу «всё в одном месте» (медицинское обслуживание, долгосрочный уход, жильё, вовлечение в общественные мероприятия и пр.). Это пример целостного управления, учитывающего возрастные особенности (age-sensitive governance).

В Российской Федерации возрастная повестка начала активно формироваться с 2018 г. в рамках национального проекта «Демография». Федеральный проект «Старшее поколение» ориентирован на развитие инфраструктуры, цифровую грамотность, профилактику заболеваний, мобильные медицинские бригады¹. Однако институциональ-

ные механизмы age mainstreaming пока слабо интегрированы в структуру принятия решений, в частности возраст рассматривается скорее как объект социальной политики, а не как субъект участия.

Несмотря на положительную динамику, институционализация возрастной инклюзии сталкивается с рядом вызовов, среди которых слабая межведомственная координация, недостаточная представленность пожилых в политических институтах, эйджизм на уровне принятия решений, ориентация преимущественно на пожилых как на «объект заботы», а не как на носителей социального капитала. Перспективы развития возрастной инклюзии связаны с внедрением процедур оценки возрастного воздействия (age impact assessment), расширением форм партисипативного участия пожилых в проектировании политики, признанием возраста в качестве пересекающегося фактора неравенства (intersectionality) в связке с полом, этничностью, доходом.

Таким образом, возрастная инклюзия как институциональная практика требует не только разработки стратегий, но и фундаментальной трансформации архитектуры государственной политики.

Вместе с тем следует отметить, что современное государственное управление всё чаще обращается к инструментам, обеспечивающим инклюзивность социальных групп на этапе проектирования, реализации и оценки политики. Одной из таких технологий выступает age mainstreaming – концепт, оформившийся в международной практике как ответ на вызовы демографического старения и необходимость признания пожилых людей полноправными участниками социального и политического процесса.

Age mainstreaming можно определить как системную интеграцию возрастного измерения в процессы формирования, реализации и оценки политик на всех уровнях управления и во всех секторах. Соответственно, при принятии любого управленческого решения предполагается анализ последствий для различных возрастных групп, особенно уязвимых и маргинализированных, включая пожилых.

Концепция уходит корнями в практики gender mainstreaming, но отличается более сложной структурой, поскольку возраст является динамической, нефиксированной категорией. Каждый человек в течение жизни проходит через разные возрастные статусы, что делает возрастное измерение универсаль-

¹ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию. – URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf?ysclid=maffvdufjx988068729

ным, но одновременно сложно операционализируемым.

Age mainstreaming предполагает:

- возрастную чувствительность политики;
- переход от патернализма к участию;
- интеграцию пожилых как политических субъектов;
- учёт кумулятивного неравенства, накапливающегося на протяжении жизни.

Страны с высоким уровнем институциональной зрелости age mainstreaming, такие как Швеция, Германия, Финляндия, демонстрируют политическую волю к включению пожилых в процессы соуправления (через общественные советы, бюджеты участия, наставничество), а также развитие нормативных рамок против возрастной дискриминации.

В Канаде и Новой Зеландии age mainstreaming проявляется в этнокультурно чувствительном ключе – с учётом специфики старения коренных и мигрантских сообществ.

В российской практике элементы age mainstreaming пока представлены фрагментарно. Возраст как фактор учитывается преимущественно в социально-страховых, демографических и пенсионных стратегиях, но не в политике занятости, транспорта, образования или цифровизации [20]. Среди наиболее проблемных зон, ограничивающих формирование и реализацию возраст-ориентированной политики, следует назвать:

- отсутствие процедур возрастной экспертизы проектов;
- низкую представленность пожилых в общественно-политических структурах;
- редуцированное понимание старения как исключительно медико-социальной проблемы;
- отсутствие единого межведомственного органа по вопросам старения.

Однако в последние годы наблюдаются позитивные сдвиги, среди которых федеральный проект «Старшее поколение» в рамках нацпроекта «Демография», развитие центров активного долголетия, цифровые образовательные инициативы для лиц 60+, отдельные практики участия пожилых в местных советах и волонтерстве.

Следовательно, age mainstreaming представляет собой инструмент институциональной трансформации, который способствует переосмыслению старости как активной жизненной стадии. Это не только способ повысить эффективность политики, но и условие её легитимности в обществе, где доля пожилых будет только расти.

Выводы.

1. В условиях ускоряющегося демографического старения возраст становится не только биологической и социальной категорией, но и ключевым элементом политического анализа, проектирования и управления. Проведённое исследование подтвердило, что возрастная инклюзивность и age mainstreaming – это не просто модные термины, а концептуальные и институциональные ориентиры новой государственности, адаптирующейся к изменяющейся возрастной структуре населения.

2. Возраст больше не может восприниматься исключительно как индикатор убывания ресурсов или фактор социальной уязвимости. Современные теоретико-методологические основания, включая права человека, логику институционального инклюзивизма и стратегию активного долголетия, утверждают возраст как политически значимую переменную, наряду с полом, этничностью, доходом и другими маркерами неравенства. Институциональное признание возраста как основания для проектирования инклюзивной государственной политики означает не только нормативное закрепление соответствующих прав, но и формирование устойчивых управленческих практик, процедур, органов и механизмов.

3. Политика активного долголетия перестаёт быть частью исключительно социальной или демографической повестки. Она становится самостоятельным направлением государственного развития, влияющим на стратегическое планирование, бюджетирование, институциональный дизайн, политическое участие и устойчивость социальных систем. Концепция age mainstreaming не только обеспечивает равный доступ пожилых к благам и институтам, но и признаёт их как политически деятельную группу с особыми интересами, опытом и капиталом.

4. Международная практика демонстрирует значительное разнообразие моделей возрастной инклюзивности: от законодательных механизмов защиты от эйджизма до партиципативных форм вовлечения пожилых в принятие решений. Однако даже в наиболее продвинутых странах сохраняется дефицит комплексного подхода к возрасту как к структурной переменной. В большинстве государств, включая Россию, возрастная повестка по-прежнему сводится к пенсионной, медицинской и социальной помощи, в то время как вопросы политического участия, репрезентации и институционального вовлечения остаются слабо реализованными.

5. Институционализация возрастной инклюзии требует перехода от точечных инициатив к целостной архитектуре возрастнo-чувствительного управления. Это предполагает интеграцию возрастного анализа в систему оценки государственного управления (impact assessment), развитие механизмов представительства пожилых в органах власти и гражданском обществе, трансформацию политики занятости, образования, цифровизации, урбанистики с учётом интересов пожилых, поддержку silver economy как механизма включения пожилых в экономическую активность.

6. Российская государственная политика по отношению к пожилому населению находится на этапе становления. Несмотря на определённые подвижки (наличие нацпроекта «Демография», региональных центров активного долголетия, цифровых и образовательных инициатив), отсутствует системное

внедрение принципов age mainstreaming, как и межведомственная согласованность действий. Это создаёт риски для устойчивого развития и усиливает возрастные неравенства, особенно в регионах с высокой степенью социальной уязвимости.

7. Возрастная инклюзия – это вызов, на который должна ответить современная политика, при этом речь идёт не только об адаптации к стареющему населению, сколько о переосмыслении самой идеи демократии, равенства и гражданства в условиях изменяющейся возрастной структуры. От того, насколько эффективно государства смогут институционализировать возрастную чувствительность, будет зависеть не только качество жизни пожилых, но и устойчивость политических систем в целом. Возраст – это политика, которая требует в настоящее время своего полноценного и равноправного места в ней.

Список литературы

1. Щербакова Е. Население мира продолжает стареть – доля пожилых людей в возрасте 65 лет повысилась до 10 %, а к 2050 г. может достичь 16 % // Демоскоп Weekly. 2022. № 955–956. 6–19 сентября.
2. Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. Перспективы построения в России общества для всех возрастов: подходы к исследованию проблемы // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 2. С. 57–70. DOI: 10.26163/RAEN.2021.91.24.008. EDN: DTJUCUM
3. Елютина М.Э. Мир старости как форма социокультурного текста. Социология духовной жизни. Саратов, 1999. EDN: QCZHXV
4. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 5. P. 97–112. EDN: BIYCPT
5. Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 4th ed. Edward Elgar Publishing, 2019.
6. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. No. 78. P. 734–749.
7. Moe T.M. The Politics of Bureaucratic Structure // Can the Government Govern? Brookings Institution Press, 1989. P. 267–329.
8. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business, 2012.
9. Ипатова А.А. Барьеры для социальной инклюзии людей старшего возраста // Человек. 2020. Т. 31, № 5. С. 93–110. DOI: 10.31857/S023620070012391-7. EDN: XPNAXY
10. Задорожная И.И. Социальные практики инклюзии пожилых людей: опыт государственного управления // Социологические науки. 2020. № 3. С. 112–118.
11. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная инклюзия и дискриминация: гендерные и возрастные аспекты // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 2. С. 123–138.
12. Зеликова Ю.А. Стареющая Европа. Демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с.
13. Галкин К.А. Особенности идентичности и смыслы возраста пожилых людей в период глобальных трансформаций // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1. С. 43–49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-43-49. EDN: GKWXVQ
14. Григорьева И.А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12. С. 86–196.
15. Григорьева И.А., Видясова Л.А. Отложенное старение и поздняя взрослость: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 2. С. 225–242. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242. EDN: UNDEJE
16. Равчик М.И., Григорьева И.А. Приоритетные потребности старшего поколения в социальных (электронных) услугах // Успехи геронтологии. 2024. Т. 37, № 3. С. 170–176. DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002. EDN: IXBRVS
17. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. № 33. С. 397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026. EDN: YAJBIV

18. Шестакова Н.Н., Скворцова М.Б. Жестокое обращение с пожилыми в контексте долговременного ухода за ними // Социальная работа: теория, методы, практика: сб. ст. 2020. Вып. 2. С. 65–76. EDN: CPGBWL

19. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5–17. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN: VZPSHZ

20. Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8. EDN: PYIKCN

References

1. Shcherbakova E. The world's population continues to age – the proportion of elderly people aged 65 has increased to 10%, and by 2050 it may reach 16%. *Demoscope Weekly*. 2022;955–956. (In Russian).

2. Shestakova NN, Dzanelidze MG, Skvortsova MB. Prospects for building society for all ages in Russia: approaches to research. *Herald of education and science development of Russian academy of natural sciences*. 2021;(2):57–70. DOI: 10.26163/RAEN.2021.91.24.008. EDN: DTJCUM (In Russian).

3. Elyutina MEh. The world of old age as a form of socio-cultural text. *Sociology of spiritual life*. Saratov; 1999. EDN: QCZHXV (In Russian).

4. North DC. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 1991;(5):97–112. EDN: BIYCPT

5. Peters BG. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 4th ed. Edward Elgar Publishing; 2019.

6. March JG, Olsen JP. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *American Political Science Review*. 1984;(78):734–749.

7. Moe TM. The Politics of Bureaucratic Structure. In: *Can the Government Govern?* Brookings Institution Press; 1989. P. 267–329.

8. Acemoglu D, Robinson JA. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Business; 2012.

9. Ipatova A. Social inclusion of older people: barriers and opportunities. *Human Being*. 2020;31(5):93–110. DOI: 10.31857/S023620070012391-7. EDN: XPNAXY (In Russian).

10. Zadorozhnaya II. Social practices of inclusion of the elderly: the experience of public administration. *Sociological sciences*. 2020;(3):112–118. (In Russian).

11. Yarskaya-Smirnova ER. Social inclusion and discrimination: gender and age aspects. *Journal of Social Policy Research*. 2019;17(2):123–138. (In Russian).

12. Zelikova YuA. *Aging Europe. Demography, politics, and sociology*. St. Petersburg: Norma; 2014. (In Russian).

13. Galkin KA. Features of the identity and meanings of the age of the older in the period of global transformations. *Social Policy and Sociology*. 2023;22(1):43–49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-43-49. EDN: GKWXVQ (In Russian).

14. Grigoryeva IA. Priorities of social policy: elderly people. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2009;(12):86–196. (In Russian).

15. Grigoryeva I, Vidasova L. Delayed aging and late adulthood: Analysis of the dynamics of academic publications using thematic mapping method. *Journal of Social Policy Research*. 2024;2(2):225–242. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242. EDN: UNDEJE (In Russian).

16. Ravchik MI, Grigoryeva IA. Priority needs of the older generation in social (digital) services. *Advances in Gerontology*. 2024;37(2):170–176. DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002. EDN: IXBRVS (In Russian).

17. Golubev AG, Sidorenko AV. Theory and practice of aging upon COVID-19 pandemic. *Advances in Gerontology*. 2020;(33):397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026. EDN: YAJBIV (In Russian).

18. Shestakova N, Skvortsova M. Elderly abuse in the context of long-term care. *Scientific and Methodological Collection "Social Work: Theory, Methods, Practice"*. 2020;2:65–76. (In Russian).

19. Grigorieva IA. Elderly women: Over the hill – age- and gender-wise. *Woman in Russian Society*. 2018;(1):5–17. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN: VZPSHZ (In Russian).

20. Grigorieva IA., Ukhanova YuV., Smoleva EO. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2019;12(5):124–140. EDN: PYIKCN (In Russian).

Сведения об авторе

Ананченкова Полина Игоревна, канд. экон. наук, канд. социол. наук, докторант, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан; ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>. Область научных интересов: демография, пожилые как социальная группа, демографическое старение, государственная политика, активное долголетие, эмпауэрмент пожилых.

Informatin about the author

Ananchenkova Polina I., Candidate of Economics, Candidate of Sociology, applicant for doctoral degree, A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>. Research interests: demography, the elderly as a social group, demographic aging, public policy, active longevity, elderly empowerment.

***Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.***

***Received 2025, May 11; approved after review 2025, June 16;
accepted for publication 2025, June 27.***